

Владимир Ивойлов. «По белым кудрям дня...»

ПЕРВЫЙ КЛЮЧ-АНАЛОГИЯ:

Из Карамзина: «...Дьяк Тимофей Осипов несколько дней говел дома, приобщился Святых Тайн, и торжественно, в палатах Царских, перед всеми боярами, назвал Лже-дмитрия — Гришкой Отрепьевым, рабом греха, еретиком... Был изрублен... Он искупал россиян от стыда повиноваться бродяге».

ВТОРОЙ КЛЮЧ — ИДЕЯ:

Из Бердяева: «Христиане должны по-христиански решать социальный вопрос. Иначе он будет решен в духе антихриста» («Жозеф де Местр и масонство», «Путь», №4).

I «Зубная боль в сердце» (М.Горький) за Россию.

Вспоминая детство, я всегда отмечаю, что рос как-то обособленно, по одной простой причине — у меня рано возник свой мир и к окончанию средней школы у меня появилось то, что принято называть — идеалами. Наше сознание — это экран в платоновской пещере: откуда-то приходят образы, энергии, идеи, красивое и безобразное. Подсознание — сознание — сверхсознание. Из сверхсознания идут: честь, совесть и... идеалы. Комплекс идеалов — это сложный, не всегда четко дефинируемый комплекс идей и образов. По Канту, это — недостижимый образ цели, а по Гегелю — это момент действительности, образ человеческого духа, вечно развивающегося через свои имманентные противоречия, преодолевающего свои собственные порождения. Идеал, по Гегелю, всегда конкретен, никогда полностью не достижим и переплетается с эстетикой. Гегель, после разработки феномена идеала, начинает заниматься эстетикой, понимая, что энергию для реализации идеала дает эстетика, или красота. Вот отсюда это парадоксальное — «красота спасет мир». Без красоты движение к идеалу невозможно, но красота сама выбирает свой идеал... Прекрасные старинные русские песни, которые я слышал с пеленок, удивительная сибирская природа, а затем книжки, к которым я рано приобщился, бабушка Федора — все это дало хороший заряд эстетики, на фундаменте которой и расцвели мои идеалы, среди которых Отечество, или Россия было дубом, а остальное — цветы вокруг дуба.

В 1955 году я очутился в городе Елабуге в средней школе милиции. Там мы познакомились с Леонидом Ивановичем Бородиным и там же в марте 1956 года мне и другим молодым ребятам, приехавшим учиться на следователей и оперативников, был нанесен мощный удар, когда мы прослушали Закрытое письмо Хрущева по поводу «культы личности Сталина». На нас с Бородиным это письмо произвело шоковое действие, так как било по самому глубинному и тонкому в нас — по

нашим идеалам. Над моим дубом я увидел зловещую тень — что-то огромное, страшное и безобразное, лживое и совершенно бесчеловечное по своей жестокости. Да разве дело в Сталине? Что бы он сделал, если бы люди не сошли с ума? Мой родной дедушка по матери — Евсей, из староверческой семьи, пришел из окопов Первой мировой войны вдрызг распропагандированный (зомбированный), не раздеваясь, прошел в передний угол, сорвал угольник с иконами и сказал, что Бога нет. Был проклят родной матерью и мученически погиб в томской тюрьме от «своих», то есть красных. Это и есть сумасшествие, вид болезни от чрезмерной лжи, которая всегда подавалась в соответствующей эстетической упаковке — иначе разумный человек проглотить не сможет.

Впечатление от хрущевского Письма — чудовищное. То, что раньше в каких-то разговорах, намеках (у нас же — край ссыльных) едва-едва ощущалось, теперь стало ужасной правдой. Возможно, еще не до конца высказанной, но уже как бы слышались крики и стоны миллионов и миллионов невинных жертв драконовского режима. Еще не все понято и осмыслено, но ясно одно: над моей Россией и с моим дубом произошло, и сейчас происходит нечто ужасное. Откуда эта беда? Ленин, Сталин, партия, коммунизм, Павка Корчагин, Олег Кошевой — да это же все ЛОЖЬ, если за всем за этим тени миллионов невинно убиенных. Хрущев обвиняет Сталина, — но это же наивно: он сам помогал Сталину! А кто расстреливал, раскулачивал, пытал, охранял лагеря на Колыме? Да вот мы среди них: вот капитан Ешке, вот капитан Бондарев, а сам комиссар Гриненко — они же всю жизнь прослужили в карательной системе, чему мы можем у них научиться? Уж не тому ли, как пытать и как расстреливать без суда? Куда мы попали?

Рядом Лешка, Бородин. Обсуждаем, у него точно такие же впечатления и эмоции. Потрясенные до глубины души услышанным, мы начинаем реагировать через несколько дней. Надо же что-то делать? Так же жить нельзя! Это чудовище лжи и зла и нас закруживает в свою воронку, и нас заставит служить лжи и насилию. Решаем — уйти из школы милиции. Нам здесь делать нечего. Здесь другой расклад, другая совесть — и есть ли у них ИДЕАЛЫ? Разве Мартин Идеи мог бы работать в НКВД (ну, в то время было уже МВД, да есть ли разница)? Надо уходить! Ушли... Перед этим вопрос — уйдем, что дальше? Надо разобраться во всем. Как? Учиться. Философский факультет Ленинградского университета, пожалуй, подойдет.

С первого раза поступить не удалось, так же как и со второго. Поступил с третьего, но зато с запасом в три балла. Но перед этим был Норильск, была армия. Это — внешнее. Внутреннее: «зубная боль в сердце за Россию» в Норильске усилилась. Это город-лагерь. Вся земля этого города пропитана кровью и страданиями, под каждой шпалой дороги «Дудинка-Норильск» лежит несколько трупов. Наша компрессорщица Слава, украинка, отсидела 10 (десять!) лет за то, что сосед слева и сосед справа в деревне, где она жила, были арестованы как бандеровцы. «Не может быть, чтобы ты не была бандеровкой» — сказали ей. Когда забирали, трехлетняя дочка громко кричала, вырвалась от чужой женщины и побежала к матери. Солдат пинком ударил ребенка и грузовик с арестованными рванул с места. Фотографию дочки хранила зашитой в подошве сапога, по праздникам распарывала и смотрела. Молилась. Дочка жива.

В армии боль несколько уменьшилась. Ведь я служил Родине. «Родина требует жертв и я — избранник ее» — написано на корочке одного из моих армейских дневников. Т.е. проблема и боль

за Россию, которая находится под пятой изолгавшегося и безбожного режима, временами возвращалась и в армии.

В армии было много переживаний. Но заметил одно: как только я уклонялся во вне, в честолюбие, — так проблема России уходила куда-то в сторону; как только собирал себя внутрь себя, начинал «самокопание», — так Россия вставала как бы неким безмолвным укором, хотя в целом я в это время двигался в основном пружиной честолюбия, а не веры.

«Надо что-то делать!» Какого в разговорах с Леонидом Ивановичем Бородиным еще в Норильске, в песнях и стихах, которые мы очень любили, возник смутный образ из Есенина: «Уйду по белым кудрям дня...» Это означало — уйти на страдания, добровольно уйти, ради убеждений и идеалов. В Питере, во времена нашей Демократической партии и вступления в ВСХСОН этот речевой оборот укрепился. И если сейчас кто-то из нас говорит — «по белым кудрям» — то мы понимаем, о чем идет речь.

Из норильских воспоминаний: помню, в нашем бараке был длинноволосый бывший ЗЭК по имени Валентин. Он не расставался с гитарой, прекрасно играл, читал стихи и однажды нам с Леонидом Ивановичем сказал: «Ребята, у вас есть крылья. Летите! Я вас благословляю!» Прошло 40 лет. Его благословение работает, не фигурально, а буквально: раз 5 или 6 я очень ярко летал во сне. Плаваю, впрочем, чаще: «Мордовия, как пристань бригадирин — отсюда в путь уходят капитаны» — писал когда-то Ал. Ал. Петров-Агатов. Дай ему, Господи, Царство Небесное! Он один из немногих, кто нас понял правильно.

Когда меня посадили, мама видела сон: на берегу большой реки она сама стоит и смотрит на солнце. Течение в реке сильное. Вдруг видит, что против течения плывет мальчишка; он шустро работает руками, но течение сильное, ему грозит опасность. Она закричала, забежала по берегу, когда в мальчишке с большим трудом узнала меня. Помощи никто не оказывал и она бежала по берегу вдоль реки против течения. Мальчишка плыл быстро, она не могла угнаться и мальчишка скрылся за мостом. Она проснулась. Долго плакала и молилась: сын сидит за решеткой — каково матери. Но иначе нельзя: если бы мужик все время лежал на печи, то корабли бы за море не плавали.

«Надо что-то делать!» Это зазвучало более громко, когда я в 1961 году поступил в ЛГУ, а в 1963-м приехал в Питер Леонид Иванович. Стали опять думать вместе. Остановились на «Демократической партии». Королев Юра, Слава Козичев и мы с Леонидом Ивановичем, были еще какие-то ребята, но теперь их имена не помню. В пригороде Питера — Шувалово — мы просиживали ночи напролет, верстая Программу, но когда дошли до Устава, то пошли разногласия и все развалилось. Идея не русская, демократия — только средство, национальной целью быть не может, это не трогало до глубины.

Прочитав Программу ВСХСОН, я понял, что это — глубоко, что это — на всю жизнь. Для меня это не политическая организация, эксплуатирующая религиозные ценности, а внутренний синтез совести и идеалов, заставляющий проявиться в социальном действии. Организация как бы предполагала наличие хотя бы зачаточной веры в Бога. Мне и нужно было от идеалов перейти к вере, чтобы освятить и осветить весь внутренний хаос моей души через Жертву Христа-Спасителя в Его надмирной Невесте — Церкви Христовой. Прошло 33 года с 17 октября 1965 года, когда мы с Бородиным вступили в ВСХСОН, и за все эти годы я ни разу не пожалел, что вступил на этот путь,

ибо это соответствует внутреннему строю моей души. Мой Ангел-Хранитель, оказывается, лучше меня знал, что мне нужно в этой жизни. Он очень мудро и бережно — через людей, обстоятельства, книги и прозрения ведет меня именно по той дороге, ради которой я и пришел в этот мир. У Александра Исаевича Солженицына есть где-то очень мудрое замечание о вложенной в его жизни цели. Я тоже чувствую нечто подобное, иначе как объяснить тот феномен в моей жизни, который я теперь называю для себя — благодатные наития; они позволяют мне совершенно по-новому смотреть на себя, на весь мир и на свое окружение, на весь смысл человеческого бытия, чем в тот период моей жизни, когда я двигался только энергетикой честолюбия, а не веры.

Между вступлением в ВСХСОН и арестом было много событий, в том числе одно из самых важных в моей жизни: 6 декабря 1965 года я крестился во Владимирском соборе в Питере; крестил меня отец Михаил. Это — из сферы сокровенного. В событийном плане я защищал диплом в университете. Тема диплома: «Неолиберализм. Западногерманская школа политической экономии. Проблемы управления в экономике». Благодаря сносному знанию немецкого и интересу к теме, — защитился на «отлично» в экстремальной ситуации оперативной разработки со стороны КГБ. С дипломом немного помог Леонид Иванович: по его совету я взял свой первоначальный текст диплома, который не проходил, и разбавил цитатами из «классиков». Диплом прошел на «ура», но оставил осадок, как и всякая «деза». Леонид Иванович был прав: не имело смысла раньше времени обнаруживать свою принципиальность в ситуации, когда по улицам за тобой ездят две черные «волги» и меняют агентов, фиксирующих каждый твой шаг...

Когда произошла заминка с дипломом, КГБ делает первую серьезную ошибку (а, может быть, это было предупреждение со стороны кого-либо из сотрудников этого ведомства?): меня вызывают в деканат и зам- декана Архипов, в присутствии Совета факультета, объявляет мне, что я лишен права преподавания. Причина — «слабый диплом». — «Но я же у вас отличник, больше половины семестров получал повышенную стипендию, в том числе и в этом семестре! С дипломом есть трудности, но до защиты еще целый месяц!». Молчат. Вышел из деканата, сильно хлопнул дверью: табличка с надписью «Декан» падает на пол и разбивается. Хотели привлечь за хулиганство. Не привлекли. Кажется, заступилась секретарша: мол, сильно расстроился, а табличка и так едва держалась, надо заказывать новую...

Внешний событийный план: донос Гидони А.Г., «профилактика», Томск, арест. Владимир Ефимович Конкин, мой старый приятель, отказавшийся в свое время вступить в ВСХСОН, неожиданно приехал ко мне на Греческий проспект и сказал, что мной заинтересовался КГБ. Это было шоковое сообщение, так как Владимиру Ефимовичу я безусловно верил и он обещал нас подстраховать извне. Сейчас этот момент наступил: сотрудник КГБ майор Суменков, с которым у Владимира Ефимовича завязались дружеские взаимоотношения после дела «Колокольчиков» в Институте Химии, специально встретился с ним и сразу повел разговор обо мне. Что им известно? Выудить удалось мало, но два слова были произнесены: книги и организация. Это — катастрофа! Кто предает? В тот же вечер я забил тревогу, а сам стал думать — кто? Не спал ночами, чертил таблицы — кто что знает, кому я что говорил. Подозрение на Гидони возникло в последнюю очередь, так как я к нему относился с большим уважением как к человеку, пострадавшему за убеждения, — но таблицы упрямо указывали на него. Когда он пришел в очередной раз и попросил напечатать ему

справку на моей пишущей машинке, то у меня холод пробежал по спине: я же специально поставил машинку на видное место, чтобы любой провокатор захотел снять шрифт.

Так. Теперь надо мягко, без судорог отступить и обыграть противника. Наружное наблюдение, которое я обнаружил за собой, расслабляться не позволяло, и это лишение права преподавания... Не скрою, что я испугался очень сильно в этот период, тем более что руководители ВСХСОН не очень верили в нависшую для организации смертельную опасность, — но зато мне полностью верили Бородин и Конкин. Эта моральная поддержка тогда для меня значила очень много: груз чудовищной ответственности лег свинцовой тяжестью на мои плечи — из-за моей неосмотрительности могут погибнуть или пострадать много людей. Да, я испугался, но не запаниковал, и это чудо, что организация после такого квалифицированного доноса смогла продержаться еще год. Это было нам предупреждение, но что мы могли изменить?

К середине июня 1966 года напряженность стала уменьшаться — Владимир Ефимович приходил ко мне все более веселый. Наконец, сказал: «У тебя и, возможно, у Бородина будет беседа с Суменковым, но они тебя не арестуют; они поверили, что ты просто фантазер, любишь детективы, начитался и решил проверить Гидони, — но ты хороший парень, комсомолец и патриот. Это «профилактическая беседа», держись смелей, даже можешь слегка покритиковать власть — это не опасно». Я так и поступил и 4-часовой разговор с Суменковым закончился моими уверениями, что я никогда больше не буду связываться с опасной литературой, которую я недавно уничтожил, когда обнаружил за собой наружное наблюдение. Суменков очень интересовался — как и когда я это обнаружил: «Нам надо знать, а вдруг они за шпионом пойдут, если их может обнаружить непрофессионал». — «Ну, я же в школе милиции учился!» — «Все равно это слабая работа, и кое-кому влетит!».

Кому там влетело — не знаю, ну а я поехал в Томск по распределению, работать преподавателем в Томском политехническом институте. Вместе со мной поехал член ВСХСОН -Веретенев Владимир Федорович. Мы договорились ехать вместе. Это один из лучших и стойких членов нашей организации.

Но вначале несколько слов о Гидони. Если он уже умер, то о мертвых не принято говорить плохо и я воздержусь. В его обширных мемуарах (А.Гидони. «Солнце идет с Запада», Торонто, 1980, стр. 387 и далее) есть несколько моментов, которые нельзя обойти. Во-первых, мотивы доноса: о какой слежке за ним идет речь, кто мог за ним следить? Но если это не слежка, то это фобия, нормальный медицинский термин — панический страх, когда пуганая ворона и куста боится, когда совершаются поступки, за которые потом стыдно всю жизнь. Такой поступок совершил Александр Гидони и об этом совершенно правильно сказал адвокат Ю.И.Лурья: «Гидони испугался провокации, получив предложение социал-христиан». Во-вторых, ну, ты струсил, побежал с доносом, попал в скверную историю, — а зачем других обвинять в трусости. «На следствии социал-христиане вели себя позорно». Да так ли? Разве хоть один человек был арестован по нашему делу, — помимо тех, кто были в списке, который захватило КГБ? Кто же пострадал? Свидетели. Но это как раз та ситуация, что чем больше свидетелей, тем лучше, ибо это свидетели того, что Россия еще жива, и есть люди, которые добровольно пошли на смертельный риск ради России. В-третьих, сравнение нас с революционерами для нас обидно, ибо мы не являемся, слава Богу, таковыми и хорошо, что мы на них не похожи. У революционеров есть пафос разрушения и ненависти, у нас не было ни того, ни

другого — мы созидали независимую русскую силу на тот случай, если «революционеры» снова захотят пройти по России террором.

А вот до христианских мучеников мы, точно, не дотягивали, — но этого и не было нужно, так как нас судили не за вероисповедные дела. Ну да Бог с ним, с Гидони, мы все грешные и смертные. Господь видит сердце человека. А вот у майора Суменкова, говорят, были крупные неприятности по службе уже после нашего ареста. Это понятно. Но вот что удивительно: он предупреждает В л Е Конкина, что у него скоро будет обыск. Да, подкараулил около магазина и предупредил. Это уже не по службе, а вопреки ей. Русский человек — загадка! Да вот и татарин, по фамилии Гуляев, то же самое: его посадили ко мне в камеру и через три дня он мне сообщил, что он — насадка, то есть сидит по заданию КГБ, не проговорюсь ли я в чем. — «Я думал, что вы шпионы, а вы сидите за то, чтоб в России было лучше. Пусть я три года, хоть и несправедливые, но отсижу, а этим помогать не стану!» Арест, конечно, это всегда как гром вроде бы среди ясного неба, и у Солженицына и у Бори Аверичкина все описано психологически верно. 22 февраля 1967 года. Томск. Утро, 8 часов. Стук в дверь. — «Кто?» — «Откройте, из Комитета государственной безопасности!» Вскиваю. Подбегаю к окну. В отдалении стоит джип, рядом прохаживается некто и смотрит на наши окна. У нас всего второй этаж. Может, уйти? А Лида? Она рядом, ничего понять не может, — как бабушка у Бориса Анатольевича Аверичкина. Иду открывать. С шумом вваливаются сразу четверо: «Оружие есть?» — «Какое оружие. Может, вы не туда?» — «Туда!» Вот оно, к этому я должен был быть готов. Но почему так быстро: ведь мы же ничего не успели сделать. Ленинградский следователь, который приехал за мной в Томск и который меня не арестовал, потому что я не признавался и у меня ничего не нашли, на прощание мне сказал: «Я Вас уверяю, что Вас не минует». На мои «тонкие» намеки — как же себя вести, он, усмехнувшись, рассказал мне эпизод: «Вот, мы однажды взяли в Луге поджигателя. Одно учреждение сгорело, затем другое, стали дежурить — поймали. Последним, кто что-либо от него слышал, был я. Он сказал: «Дайте закурить». После этого от него больше ничего никто не слышал». — «Ну и что?» — «Расстреляли, но никто до сих пор не знает даже его имени».

Моей жене Лиде этот ленинградский следователь (кажется, Большаков) сказал наедине: «Берите развод и выходите другой раз замуж, этот к вам вернется не скоро, его не минует тюрьма». Как свидетель, я был вызван в Ленинград и на первом же допросе арестован, потому что — как пишет Анатолий Иванович Сударев — дело набирало обороты. Я вот не совсем согласен с Б.А. Аверичкиным, что КГБ хотело раздуть дело. Нет, они были шокированы масштабом организации, хотели застраховаться, потому что оперативная группа майора Суменкова уже погорела на нашей организации. Собрали лучших следователей со всего Союза, а на меня бросили самого интеллектуального, хитрого и «продуктивного» следователя из Калинина капитана Александровского. Он, оказывается, был еще и писатель, умен, настойчив, трудолюбив, раза два крепко меня подловил. Например: «А ведь Вы, Владимир Федорович, в Томске в квартире кое-что утаили от нас. А теперь мы все нашли, но это уже не имеет значения». Через несколько допросов: «Так вот, насчет того, что мы еще нашли у Вас в Томске. Что у Вас там было-то?» — «Ну, пустые анкеты в лампе...» Не выдержал Александровский, лицо выдавало радость, а я поник, понял, что мазанул. Александровский тут же прерывает допрос, куда-то уходит; я понял, что ходил связываться

с Томском, чтобы немедленно произвести второй обыск в моей квартире и крупным планом зафотографировать вскрытую ими настольную лампу...

Первые пять допросов я выдержал без особых сомнений. Я не признавался ни в чем, только сомневался — будут бить или не будут. Если будут, надо будет готовиться к смерти серьезно и вообще перестать разговаривать. На шестой или седьмой допрос пришел полковник Сыщиков, вошел в раж, начал бегать по кабинету и реветь, как раненый зверь: «Советская власть стояла и стоять будет, вам ее не сломать». Он был белый от ярости, затем вышел, и я понял, что можно «ломаться». Мне было названо много такого, чего я не знал: и фамилия «Огурцов», показана Программа, назвали мою подпольную фамилию — Сабуров.

Во время первых допросов, кроме чисто физической опасности (будут ли бить или вкалывать гексанал), я сильно боялся, что меня будут принуждать как-то отказаться от Бога, произнести что-то такое, о чем я потом буду жалеть, что мне закроет всякую перспективу: «бойтесь убивающих душу...» Но следователь не трогал религию, сказав, что это дело личное. Патриотическое чувство они тоже старались не ранить, и тогда я успокоился, боль прошла. Я — среди жертв режима. Мало сделано, но это зависело не от меня. Да, противник был хитер и жесток, они старались даже подделываться под наши ценности, но стоило поверить — и тут же следовал удар: не забывайся! Самая лучшая позиция в этой ситуации была бы — позиция жгучей ненависти, но я в это время уже не мог носить в себе долго негатив, это меня как-то опустошало морально. Меня пусть ненавидят, но я, как христианин, должен молиться «за ненавидящих и обидящих мя». «Гнев во всякое время вреден, а особенно в деле правом» — пишет Н.В.Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Поэтому черпать энергию в ненависти я не мог, а христианской твердости — вообще отказаться от всяких показаний и призывать безбожников к покаянию, на это у меня тоже не хватало силы, да и, повторяю, наша задача не вероисповедная.

Наше поведение на следствии и суде. Передо мной том -«Обвинительное заключение по уголовному делу № 32». Всего в деле 66 томов. Этот том я вывез из Мордовии в 1973 году с большими трудностями, знал, что когда-нибудь пригодится. Со страницы 93-й по страницу 144 даются характеристики каждому из 17-ти человек, проходивших по «уголовному делу № 32». Например: «Обвиняемый П. в предъявленном ему обвинении по статьям 70 часть 1 и ст. 72 УК РСФСР виновным себя признал полностью». Иногда слова «полностью» нет, — например, у Баранова стоит: «признал частично». У Веретенкова стоит: «виновным себя не признал». И вот только у пяти человек вместе с «признал вину по статье» стоит слово «раскаялся». У троих из этих пяти стоят слова — «способствовал раскрытию преступлений других обвиняемых». Есть еще два «способствовавших», из «нераскаявшихся», но это — жертвы обмана.

Таким образом, несмотря на огромное психическое давление в течение 14-ти месяцев, только пять человек отступили до линии «РАСКАЯЛСЯ», другие одиннадцать человек только «ПРИЗНАЛИ СЕБЯ ВИНОВНЫМИ ПО СТАТЬЕ 70» и один не признал себя виновным. Картина совсем даже не удручающая, как это пытался изобразить Гидони. Есть разговоры, что двое из «раскаявшихся» отступили еще дальше и перешли на сторону противника уже после тюрьмы (стукачество), но без Суда Чести однозначно утверждать это невозможно. Во-вторых, даже если это так, то из 28-ми членов организации один оказался доносчиком и двое перешли в сексоты — чекистов поздравить

не с чем! За такую работу я бы им премию не выдал. Да и суд над нами совсем не походил на процессы Бухарина и Рыкова. И это -после 14-ти месяцев титанической работы по разложению противника. В осадок выпали всего два стукача? Впрочем, и это последнее под большим сомнением. Анатолий Иванович Суда-рев в конце своих мемуаров («Мой бунт», — «Вече», №59) пишет: «НЕТ, НЕ СОЖАЛЕЕМ И НЕ РАСКАИВАЕМСЯ!»... Не очень приятно, но приходилось маскироваться, иногда лгать, выкручиваться, надо было изображать трусость. В 30-е годы возможна была бы для нашего случая только одна стратегия поведения, если захвачен штаб и все списки с документами в руках у карателей — стратегия «поджигателя из Луги». Во второй половине 60-х годов такая стратегия была бы ошибочной и для истории России и гибельной для нас, как носителей нового русского сознания, будущей России. Здесь как бы идет негласное сближение позиций: «Хватит гражданской войны, хватит трупов, когда русские убивают русских, надо искать какие-то пути сближения: ВСХСОН делает вид, что декларировав проблему и передав знамя одному бескомпромиссному человеку, как организация распускается и разоружается, — а КГБ делает вид, что что верит нам, докладывает наверх об устранении опасности, а над возникшей в обществе проблемой пусть думают вожди». Разумеется, все это гипотетично и никто вслух так не говорил, но общий фон такого соглашения чувствовался. В новых условиях знамя ВСХСОН сохранено, никто из штатных членов не отступил (КРОМЕ: вечная память умершим и позор предателям), перегруппировываемся и идем дальше. Мы входим в Новую Россию XXI века не побежденными, а победителями, ибо мы — живые носители социал-христианства.

Владимир Федорович Веретенков не признал себя виновным по статьям 70-й и 72-й. Он объяснял это тем, что ВСХСОН «ставил задачу по устранению коммунистов от власти; советская власть и коммунистический режим — разные понятия». Остальные 16 человек вынуждены были признать себя виновными в нарушении статьи 70-й. Была такая статья — теперь ее нет в УК. Нарушили мы ее тогда? — Нарушили! Как не признать? Все остальное нелогично. Отделить большевицкий режим от советской власти, которую этот большевизм полностью узурпировал, нам как-то не приходило в голову. Не пришло в голову и объявить эту статью УК аморальной, незаконной (противоречащей, например, Декларации прав человека 1948 года, принятой ООН и подписанной СССР) — и тогда ни в чем не признавать себя виновными. Но это надо было продумать прежде нашему руководству. Нарушение аморальной статьи Закона (теперь давно отмененной) не является аморальным поступком — два отрицания дают одно утверждение. Но вот в соответствии с не очень тонкой логикой, признавая себя виновными в нарушении статьи 70-й, мы попадаем в логическую же ловушку: если признали себя виновными в нарушении статьи 70-й, то, якобы, признали себя виновными вообще и раскаялись в содеянном нарушении. И признать нельзя и не признать нельзя. Это, примерно, такая же ситуация, когда кто-нибудь говорит: «Ну, Царь же сам отрекся от Престола, чего вы хотите от нас». Но ведь Царь-мученик Николай II отрекся в пользу другого Царя — Михаила, а не отрекся от Престола вообще, как от института власти в России. Вроде бы и небольшое изменение слов, вернее, их недостача (нет слов: «виновным в нарушении статьи 70-й», или - «отрекся в пользу Царя Михаила»), и смысл обеих фраз меняется на противоположный и, главное, отрицательный.

По делу ВСХСОН (Уголовное дело № 32 и Уголовное дело № 44) проходят 21 обвиняемый и 52 свидетеля, в том числе два доносчика, Петров и Гидони; не считая их — 50 свидетелей, всего — 73 человека. В Архиве штаба было 23 фамилии, арестовано 21 человек. Ни один человек вне этого списка арестован не был. В организации числилось 28 человек, исключая Петрова — 27, то есть шесть человек прошли как свидетели, в числе всех 50-ти свидетелей. Ануфриев Юрий Евдокимович и Статеев Николай Васильевич тоже прошли как свидетели. Но Ануфриев является полноправным штатным членом ВСХСОН, а Статеев — член этой организации в Томске, руководимой Ануфриевым до встречи с нами. Когда появились у нас в Томске бланки и анкеты (привез Бородин), мы с Владимиром Федоровичем Веретеновым сразу приняли Ануфриева в свои ряды: два человека имели право принимать третьего. Заполненную анкету и клятву-присягу я спрятал у себя дома в настольной лампе. Сотрудники КГБ около восьми часов шарили в моей 10-метровой комнате, прощупывая каждый квадратный сантиметр, передвигали лампу с места на место, а заполненная клятва-присяга сохранилась! Уже поздно вечером, когда меня отпустили домой ночевать, я уничтожил анкету и клятву Ануфриева и предупредил его самого. Веретенов тоже не дрогнул на следствии. Ануфриев не был арестован, хотя КГБ очень этого хотело, особенно томское КГБ, — так как он уже создавал в Томском университете подпольную организацию и был исключен за это из университета. Это пример того, что многие из нас не сдались перед напором карателей и морально перед ними не разоружились.

Были и грубые ошибки. Из тайника Бородина мне предъявили два сочинения: «Искры гнева» Елькина Германа Борисовича (о событиях в Новочеркасске, страниц 5 или 6 текста), а также большое стихотворение, которое начиналось словами «Виновные? Ясно — немцы...», автором которого был молодой парнишка, студент ЛГУ, Женя Андреев. Это были мои кандидаты и — что мне в голову взбрело: «Пусть-ка их потрянут, злей будут» — и я назвал авторство этих ребят. Их потрянули и выявили, что они -мои кандидаты. Они прошли оба как свидетели. Пользуюсь случаем, приношу этим ребятам и России искреннее извинение!!!

Второй грубой ошибкой на суде и следствии вот уже в течение 30 лет я считаю тот факт, что на суде, даже еще в конце следствия, во мне уже все бурлило и кипело, но я упрямо продолжал идти на поводу своего низшего эмпирического «я» и не снимал маскировку. На суде тянул какую-то тягомотину. Покойный Юрий Петрович Баранов (дай ему, Господи, Царство Небесное!) обернулся ко мне с передней скамейки и сказал: «Ну что ты перед ними распустил сопли!». Но сам Юра выступил тоже плохо. Леонид Иванович был подавлен. И Коносов и Иванов не тянули в лидеры. Малосрочники — Бузин, Миклашевич, Нагорный — старались не высовываться; ребята хорошие, честные, но на амбразуру никто не шел. Если бы я выступил резко с обвинениями в адрес режима, то суд был бы другой. Что-то блокировало во мне внутреннюю энергию, иногда приходит мысль: уж не применили ли гэбисты ПСИ-фактор? Говорил же мне на последних допросах Александровский: «А ведь Вы можете выкинуть, Владимир Федорович, на суде что-нибудь неожиданное, побаиваюсь я за Вас». Ах, если бы процесс продолжился хотя бы дня на два! Мне все же удалось выкрикнуть свое: «Снисхождения не прошу!», но процесс был уже проигран и я больше других в этом виноват. Адвокат Алтухов на следующий день мне сказал: «Ваши слова «снисхождения не прошу» прозвучали диссонансом и

как... взрыв гранаты». Да не гранату — бомбу надо было взорвать на этом процессе! А мы... Это ли не повод к покаянию, для перехода от энергии честолюбия к энергии веры? Простите меня, мои соратники, прости меня, РОССИЯ, прости меня грешного, ГОСПОДИ!

Итак, суд кончился: с апреля до июля сидим, ждем кассацию. Зачем я подал на кассацию — как-то противоречит: «снисхождения не прошу» и кассационная жалоба. Все просто: нет ли щелей в этой, теперь уже не совсем монолитной бюрократии? Щели не оказалось, а горечь осталась: зачем подавал? Но это по гордости, но и по вере: не надо было подавать — как будет Господу угодно. Отказаться от кассации — это гордость, но и по вере: бери свой крест и неси его смиренно, а Господь знает, что тебе лучше. А я в это время живу между честолюбием и верой, как на двух стульях, и не на одном не прочно: глушу гордость и не определился в вере. Отсюда все эти противоречия. Между стульев — всегда ошибка.

В это время мы сидим в одной камере с Иваном Васильевичем Овчинниковым. Я на всю жизнь благодарен этому человеку, так как он для меня многое открыл: я брал у него первые уроки французского языка и выучил наизусть некоторые псалмы; он рассказывал о жизни в лагерях и жизни в эмиграции, какими ценностями живет и движется настоящая, подлинная, страдающая Россия. Сопrotивление большевизму никогда не прекращалось: РОА, НТС, атмосфера ГУЛага, национальные движения, Церковь — все это зоны русского Духа, русских душ и русских ценностей. А мы думали, что мы такие уж исключительные. Мы только прикоснулись к Борющейся России. Мы ничего не успели и гордиться нам особенно нечем, но, может быть, страдания за наши идеалы нас очистят и мы придем к еще более высоким ценностям — ценностям религиозным. Сам же Иван Васильевич двигался больше честолюбием, а не верой — в нем была злость. Мне кажется, что потом это привело его в какой-то духовный тупик.

В моей внутренней, духовной жизни самым ярким впечатлением этого периода было открытие Гоголя, размышления над его прекрасной книгой «Выбранные места из переписки с друзьями». И не мое только мнение, что это лучшая книга, написанная русскими в 19-м веке. Такое четкое и чистое миропонимание, такую светлую эмоциональность и прекрасный образный язык при громадной метафизической глубине можно встретить только у великих духовидцев человечества. Маленькое ХП письмо — «Христианин идет вперед». «Ум не есть высшая в нас способность. Его должность не более, как полицейская: он может только привести в порядок и расставить по местам все то, что у нас уже есть... Разум же приобретается не иначе как победой над страстями. Его имели в себе только те люди, которые не пренебрегли своим внутренним воспитанием. Но разум не дает полной возможности человеку стремиться вперед. Есть высшая еще способность, имя ей мудрость, и ее может дать нам один Христос...». Что же нами движет? Откуда берется «стремящая сила»? Либо ЭГО, либо ВЕРА. Эго — это страсти, и не всегда самые низкие, например: честолюбие, желание быть лучше других. Вера же неотделима от Любви и Надежды. Начал углубляться в себя и исследовать, что мной движет, что стоит сзади ума и командует им. Открытия были потрясающими. Эго не только командует, но еще и перекрывает все каналы богообщения. Эгоизм и честолюбие как сорняки покрыли все поле нашей души. Энергетика честолюбия очень мощная, но только в начале жизни. Честолюбец приобретает мир, но душе своей вредит, ибо каналы к Богу перекрыты. Хорошо, если удар судьбы, вернее, любящая рука Бога, отрезвляет честолюбца. Я сам в Омске в 1980 году умирал от угриц, т.е. гельминтов

(паразитов), которые изъели всю печень, и начал уже в полубреду письменно прощаться с родными и близкими. Приемник, стоявший на табуретке посреди комнаты, начал вещать: «Говорит Ватикан. Лаудетур Иезус Крестус» — знакомый голос... Да это же Женя! Евгений Александрович Вагин! Вот она точка — момент истины! И откуда-то из глубины моего духа, как бы второе «я»: «Подожди, успокойся, еще рано умирать, еще не весь путь пройден». Бешеный ритм сердца стал утихать, сознание стало просветляться. Стало легче, стал поправляться еще до того, как вывели угриц.

Стал чаще бывать в храме, углублялся в Евангелие, в баптистские и православные песнопения, аккордеон и пробежки по утрам — пошла как бы другая энергетика, более чистая и более духовная. Был срывы и падения (алкоголь, скандалы, депрессия, осуждение других), но все это как бы на другом уровне. После очередного срыва шла компенсаторная работа — усиленное покаяние и ужесточение молитвенного Правила. А когда пошли благодатные наития, то Путь определился четко — только Путь Веры. Путь честолюбия — путь тупиковый, очень жаль тех, кто продолжает им идти, даже когда уже направляющий удар судьбы был сделан, человек не понял, что это было предупреждение и ничего в себе не изменил в сторону Бога.

Михаил Сергеевич Капранов — один из тех, кто «понял». Когда он освободился из лагеря, то через некоторое время написал мне в Новокузнецк паническое письмо о своих жутких сердечных болях, письмо, полное пессимизма и отчаяния. Что я мог сделать: стал поминать его имя на утренних и вечерних молитвах, но моя молитва была тогда очень слабая, а сам я был еще честолюбец. Года через полтора узнаю из его письма, что он недалеко, в Томске и уже священствует; здоровье нормальное, приглашает в гости. Мы с Леной поехали венчаться к отцу Михаилу. Радость встречи была неопишуемой, а мы с Леной вышли из блудного сожительства и стали мужем и женой. Привожу это как пример того, что перст судьбы указал направление и человек все понял правильно. Чтобы понять, необходимо прежде самоуглубиться, покопаться в своем внутреннем бытии, — об этом и пишет Гоголь в своей прекрасной книге.

Кроме Гоголя, я считаю своим учителем Н.А.Бердяева. Он для моего развития предшествовал Гоголю. Когда осенью 1965 года я получил от Михаила Юхановича Садо первые книги Бердяева — меня поразили смысл, энергетика и слог его творчества. Идти к Свободе — по Бердяеву — это идти не во вне, в объективированный мир феноменов, а идти в глубины человеческого Духа, который есть проявление Духа Божьего. Человек как существо поднимается в своем достоинстве и величии до уровня Создателя Мира, ибо «Я и Отец — одно». Ин. 14,20: «В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас». Свобода человека — внутри человека. «Не ищи в селе, а ищи в себе», — говорит чрезвычайно мудрая русская пословица. Экстраверсивность бесплодна и никогда не делает человека счастливым. Путь к Свободе — это путь ко Христу, это путь к Отцу принятием подвига Христа через покаяние. Без покаяния, без очищения двинуться вперед совершенно невозможно. Зло повредило человеческие души, образ человека замутнен. Но когда покаяние полное и серьезное, то в душу может брызнуть свет Царствия Божьего и уже здесь, а не где-то там, в загробном мире.

Вспоминаю рассказ одного моего знакомого, по имени Юрий Евгеньевич: «После споров в общине я пришел домой и встал на молитву. В голове еще продолжался спор с той женщиной, которая говорила, что Бог, если Он есть, то Он несправедлив. «Нет, — говорил я, — Бог творит все правильно, Он Всеправедный и Справедливый, но Он никогда не нарушает нашу свободу». Вдруг

меня как ударило, в области сердца стало вдруг горячо, меня всего затрясло, хлынули слезы неопишуемой радости... Все это продолжалось около десяти минут, но за этим минуты я пережил такое счастье, такую полноту бытия, такое блаженство богообщения, что если бы это повторилось, я готов был бы отдать за это полжизни. Словами выразить это счастье совершенно, невозможно!». Переживал ли такое состояние какой-нибудь Наполеон, Александр Македонский или другой честолюбец?

Одна из самых моих любимых книг (наряду с «Розой мира» Даниила Андреева), это — Уильям Джеймс, «Многообразие религиозного опыта» (переиздана в С-Пб в 1993 году). В этой книге много подобных рассказов, и это несмотря на то, что Джеймс -основатель американской философии прагматизма.

Гоголь и Бердяев открыли мне двери в мир Духа и Веры. У меня есть одна голубая мечта — если Господь еще не прервет мою жизнь, то я хотел бы положить цветы на могилу Бердяева под Парижем. «Нет худа без добра», и последние месяцы перед этапом из Питера я провел очень плодотворно

для своей души.

Значение и роль ВСХСОН

Из всех писавших о нашей организации никто так прекрасно не понял «дело ВСХСОН», как Владимир Николаевич Осипов. Вспомним из Карамзина: «дьяк Тимофей Осипов...». Что это? Случайное совпадение фамилий? Может быть. Но вот -совпадение обстоятельств? И тогда и сейчас — Смутное время для России. И тогда и сейчас надо было думать о чести России. Так же, как и у отдельного человека, честь и идеалы народа суть проявление эманации Высших миров (Царства Божия) на индивидуальную или народную душу. Бунтовщики и диссиденты не несут в себе позитивного начала; все Стеньки Разины и революционеры могут только разрушать режим своим негативом, но они никогда не создают ничего положительного. Первые христиане не разрушали Римскую империю, они никому не делали зла. Они говорили. «Аз есмь христианин!» и ничего больше. Так и Гришка Отрепьев — вроде бы утвердился во власти, все ему подчиняются, и вот какой-то дьяк встает перед ним и говорит: «Аз есмь русский человек, а ты что тут делаешь?» Дьяк ничего не разрушал, он только утверждал свое присутствие, вернее -присутствие России. Точно так же и ВСХСОН и сам Владимир Николаевич. 12 лет тюрем и концлагерей В.Н.Осипова и 102 года и 4 месяца тюрем и концлагерей штатных членов ВСХСОН — это не просто слова о Чести Отечества, это живой подвиг во имя этой Чести. Нам говорят: «А что вы сделали?». Мы ничего не сделали, мы просто суть православные русские люди и нам стыдно подчиняться бродягам. И пока мы есть, лжецы и разбойники спокойно спать не могут. Стыд, честь и совесть не убиты в России этими мегатоннами лжи и насилия, — и это самый главный залог спасения Отечества от пришельцев. Обманывали, обманывали, почти все храмы взорвали, лучшую часть нации уничтожили, священников и офицеров пароходами топили, так трудились — и все ни к чему. «Аз есмь Россия православная, а вы кто?».

После той смуты Россия возродилась, и мы очень верим, что по молитвам Святых Отец наших, по молитвам всех Новомучеников Российских, по предстательству Пресвятой Владычицы нашей Пречистой Девы Марии и нашей скромной жертвой — Россия будет возрождена. Это первый и самый важный вывод из нашего дела: пока есть в народе пассионарии, или люди,

готовые жертвовать своей жизнью за процветание Отечества, такой народ достоин задачи, возложенной на него Богом и историей.

Россия не погибла... У Николая Александровича Бердяева есть тезис, что большевизм победить нельзя, его можно только изжить изнутри. Этот тезис совершенно верный, а мы — первые ласточки той весны, когда Россия стала серьезно изживать большевизм изнутри. Второй тезис Бердяева, что большевизм - явление русского духа, неверен на 90%. Об этом, впрочем, в другой раз. «Мы вас десятки лет ждали в лагерях — когда пойдут русские и православные; а шли или «шурики» или социалисты-демократы» — говорил мне Александр Александрович Сахно, власовский капрал, досиживавший 25-летний срок. То же самое говорил и Александр Стопчинский — власовский офицер, участник Норильского восстания в лагерях.

Ключевое слово всех этих оценок — «ПОЯВЛЕНИЕ», или факт наличия. Зеки не спрашивают — признали мы свою вину или не признали, они вообще не верят этим формальным штукам в стране, насквозь пропитанной ложью и дезинформацией. А вот как ты себя поведешь дальше — таков ты и есть. Нас на 19-м звали монархистами и мы шли по рангу уважения почти так же, как верующие. А верующие — свидетельствует Варлаам Шаламов — «и десять лет назад, и двадцать лет назад были самым лучшим контингентом во всех лагерях без исключения». Я никогда не слышал, чтобы кто-либо из группы ВСХСОН уронил честь или достоинство в лагере или тюрьме. 19-я зона в Мордовии стала школой монархизма и православия для многих полит-зеков: Берсенев, Шабуров, Григорьев, Романов, Пашнин, Васильев, Потемкин - да разве всех упомянешь? Мы просто БЫЛИ; не лезли на рожон, но — когда нужно — стояли твердо. Мне лично в Управлении Лагере насчитали 10 крупных нарушений режима, и когда я освободился, наложили еще на год административный надзор (после 20 вечера не отлучаться из дома и еженедельно отмечаться в милиции). Противник нас воспринимал всерьез; не прав был товарищ Гидони, так пренебрежительно о нас отозвавшись. Он, кстати, ни слова не говорит о нашем поведении в лагерях — думаю, не оттого, что у него не было информации, а потому, что у него не было аргументов против нас. Такое явление, как общественно-политическая организация, надо оценивать полностью: программу, арест, суд, лагеря и влияние на будущее. Из-под бетона, в который закатали Православную Русь, стали пробиваться слабые зеленые побеги будущих могучих деревьев, и не по одному, а сразу маленькой рожицей. Это напугало бетонщиков и возродило надежду у многих обитателей «ЗОНЫ».

... Иван Александрович Ильин в небольшой, но очень важной работе «Творческая идея нашего будущего», так определяет национальную идею России после одоления большевизма: «Это есть идея воспитания в русском народе национального ДУХОВНОГО характера... Вся Россия была создана людьми с характером. Вся русская культура есть явление национального духовного характера. А ныне, после таких и стольких испытаний, мы призваны к тому, чтобы найти ключ к воспитанию русского национального духовного характера В МАССЕ, и осуществить это воспитание. Мы должны твердо верить в то, что все беды и испытания последних лет — не только плющили и разбивали слабых, но и закаляли сильных.» И немного дальше: «Итак, спасение России — в воспитании и укреплении русского национального рыцарства. В этом все: идея, программа и путь борьбы. Это единственно верное и единственно нужное. Все остальное есть проявление, развитие и следствие этого». Далее у Ивана Александровича — мощный, энергичный и великолепный

панегирик: что означает быть рыцарем. Нам далековато до такого идеала, конечно. НО МЫ ИДЕМ ИМЕННО ЭТОЙ ДОРОГОЙ. Это верно на 100%. Рыцари — это первые социал-христиане; надеюсь, что мы — не последние. Это идея на века. И это — суровая необходимость.

ПОСЛЕСЛОВИЕ к 1-й части Воспоминаний.

Приехав в Питер этого, 1998 года, я с удивлением узнал, что руководители ВСХСОН до сих пор не реабилитированы. В «Вече» (№ 60) прочел «Постановление Президиума Верховного суда РФ от 20 ноября 1996 года». Нелепость данного Постановления становится совершенно очевидной, если принять во внимание следующие обстоятельства:

1. Разделение ВСХСОН на «руководителей» и остальных «рядовых членов» было сделано искусственно, по указанию только что пришедшего в то время к власти в КГБ Андропова, в чисто тактических целях по разгрому организации. Если бы организация раскололась сама, то юридически можно было бы как-то оправдать возбуждение двух отдельных уголовных дел. Отделение «пастырей» от «овец» в единой организации ничем юридически не оправдано, оно должно быть опротестовано прокуратурой по надзору за делопроизводством, как не соответствующее нормам и практике цивилизованных стран мира. Два процесса потребовались КГБ, а не прокуратуре и суду. КГБ выполняло задачу душить инакомыслие и опасалось громкого процесса, если вся организация будет сидеть на одной скамье в одно время. В этом вопросе действия КГБ понятны, но незаконны. Если это одна организация, то и «преступление» одно. И действительно одно: статья 72 УК «Организационная деятельность с целью...» И вот тут почему-то появляются две цели: одна — антисоветская пропаганда и агитация, а другая — заговор с целью свержения власти. Если бы руководители укрывали свою цель от рядовых членов, тогда была бы понятна различная квалификация деяний. Но таких фактов в деле нет. Остается общая для всех цель — создание и участие в несанкционированной политической партии. Понятие «заговора» применимо только к лицам, имеющим реальные возможности для захвата власти или осуществившим такую подготовку для реального захвата власти (оружие в достаточном количестве, подготовленные люди, реальный план, время). Если же идут только разговоры, то это не заговорщики. Как можно считать заговорщиком Ампилова, когда он даже публично призывает к захвату власти, но все понимают, что это неосуществимо. С другой стороны, настоящие заговорщики — члены ГКЧП — амнистированы и гуляют на свободе, а уж они-то имели все возможности для реализации своих замыслов.

2. Изъяв из обвинения всю «литературную работу», в деле руководителей остаются одни только «намерения». Не сделано ни одного выстрела, нет ни одного пострадавшего, не выдано «врагу» ни одной тайны. Что же вредного сделала организация для России? Собирались, читали, писали, размножали. Был один пистолет, купленный случайно и переданный купившим его Константиновым Огурцову. Что это — оружие организации?

3. «Тройки, командиры, конспирация, шифры, защитные легенды» — зачем это? Да как без этого при тотальном режиме слежки, доносительства и репрессий заниматься хотя бы элементарной, но не разрешенной сверху той же литературной или агитационной работой? Как просто прочесть Бердяева, Солженицына, Ильина? За одно хранение «Архипелага ГУЛаг» давали срок. Как что-то написать против коммунистов — за православную Россию? тут же донесут, опозорят и репрессируют. А мы хотели быть

русскими и православными на своей родине, мы в организации создавали свою Россию, мы ее возрождали.

Неужели все это непонятно современным судьям, решающим вопрос о реабилитации руководителей ВСХСОН? Они не хотят понимать почему-то. Почему? Тень Красного Дракона прочно держится в закоулках и закутках бюрократических и еще наполовину советских учреждений. Почему среди этих учреждений оказался и Верховный суд России?

«А судьи кто?». Среди фамилий членов Президиума Верховного Суда есть фамилия — Каримов М.А. Я могу сказать, что это обманщик и нарушитель закона (преступник)! В доказательство могу привести два документа главных и один дополнительный: 1. Справка о моей реабилитации. Между реабилитацией и получением справки проходят два года: реабилитирован 26.01.1994; справка — 19.02.1996. В чем дело? Может, адрес не знали, куда выслать справку? 2. Письмо из Верховного суда РФ, подписанное Каримовым — от 22.11.1995, где написано, что я реабилитации не подлежу. Это сознательная ложь и нарушение закона «О реабилитации жертв политических репрессий». Я обращался в Прокуратуру г. Санкт-Петербурга в мае 1995 года. В июне 1995 мне пришел ответ: Письмо №3 — копия письма Прокуратуры С-Петербурга в адрес Верховного суда РФ. От июня до ноября верховный суд вообще никак не реагирует — что им Прокуратура С-Петербурга! А затем Каримов отвечает мне заведомой ложью.

Хотелось бы публично обратиться к Председателю Верховного Суда РФ: до каких пор в Верховном Суде РФ будут работать преступники и обманщики? Преступление Каримова -должностное, но кто мне возместит моральный и материальный ущерб? И второе: не пора ли пересмотреть дело руководителей ВСХСОН? Только без Каримова — так как есть подозрение, что он ненавидит все русское.

«Вече», № 62, 1998.